

№ 697. Записка товарища министра иностранных дел Нератова¹.

27/14 декабря 1914 г.

Глубоко народное значение нынешней войны, сопряженной с неисчислимыми жертвами для страны, ставит, казалось бы, единственно допустимым ее окончанием желательное для России разрешение наиболее жизненных вопросов, относящихся к области внешней политики. Из числа этих вопросов на первом месте должен быть поставлен вопрос о Проливах, на неотложность коего указывает общий голос.

На международной почве вопрос о Проливах не рассматривался донныне как чисто русский. На этой точке зрения стояли западные державы, отмечавшие его общеевропейский характер. Но сложившаяся теперь обстановка войны побуждает наших союзников выдвигать свои собственные интересы и стремиться обеспечить их, опираясь на солидарные действия и решения по взаимному соглашению участников войны. Таким образом и для России представляется возможность использовать благоприятную обстановку для решения вопроса о Проливах. Со стороны Франции и Англии уже выражена готовность пойти навстречу желаниям России.

Вследствие сего надлежит обсудить возможные способы выполнения поставленной задачи.

Можно ли достигнуть цели единственно дипломатическими средствами? Следует полагать, что это едва ли осуществимо. Несмотря на победоносное окончание войны против Германии и Австро-Венгрии и несмотря даже на вынужденное согласие этих двух держав, Турция, очевидно, будет до последней крайности бороться за обладание Проливами и Константинополем и подчинится лишь силе, т. е. фактическому овладению Проливами со стороны России.

Обсуждение возможных военных операций для занятия Проливов выходит из компетенции министерства иностранных дел, но в видах направления дипломатических переговоров необходимо освещение дела с военной точки зрения.

Трудности похода от кавказской границы чрез всю Малую Азию, казалось бы, исключают возможность овладения Проливами сухим путем с востока.

Морской поход с десантными операциями на турецкой территории представляется также мало осуществимым, как ввиду достаточной подготовленности Турции к отражению десантов на берегу, так и риска, сопряженного с передвижением по морю больших масс войска,

¹ Оубл. К-поль и Пр., I, стр. 195.

в количестве не менее 300 000 человек, при наличии турецких крупных и мелких военных судов в Черном море.

Легче могут быть, вероятно, выполнены военные операции против Константинополя с запада, от болгарской границы, при предварительной высадке наших войск на болгарском побережье. Но и в этом случае риск морской перевозки войск представляется значительным, пока не прекратится совершенно деятельность турецкого флота.

Если бы вследствие этого признано было нужным не ограничиваться предположениями только морских операций с высадкой на иностранном берегу, а подготовить и иной способ действий, то необходимо подробно обсудить возможность прибегнуть к передвижению войск по суше чрез румынскую территорию.

Соглашение с Румынией по этому предмету не является недостижимым. Следует лишь установить минуту, когда было бы наиболее удобным договориться о пропуске наших войск.

Румыния уже выразила намерение выступить против Австро-Венгрии в будущем феврале, войдя таким образом в союзные отношения с нами. На первый взгляд казалось бы проще всего дожидаться конца европейской войны и, по заключении мира с Германией и Австро-Венгрией, войти в особое соглашение с Румынией для дальнейших военных действий против Турции. Но в этом случае нужно иметь в виду, что Румыния, получив уже удовлетворение своим домогательствам на Трансильванию, отнесется, вероятно, с большою сдержанностью ко всякому дальнейшему своему участию в войне, если таковое участие не будет куплено дорогою ценой. В то время добиться от нее пропуска наших войск к Константинополю будет труднее, чем теперь, когда она нуждается в санкциях державами Согласия ее предполагаемых приобретений. Франция же и Англия, утомленные продолжительной войной, будут стремиться к заключению мира, как только обеспечены будут их собственные вождедения в борьбе с Германией, и смогут отнестись равнодушно к продолжению войны с Турцией.

Поэтому представлялось бы правильнее теперь же заручиться обязательством Румынии не препятствовать проходу русских войск чрез ее территорию, не предрешая времени, когда таковой проход был бы осуществлен по военным соображениям. Весьма вероятно, что румынское правительство усмотрит в нашем домогательстве основание для возбуждения каких-либо притязаний с своей стороны. Ввиду важности дела казалось бы возможным пойти ему навстречу, расширив несколько наши данные уже ему обещания в смысле, например, обеспечения в мирном договоре присоединения Трансильвании с преобладающим румынским населением, участия Румынии в получении военной кон-

трибуции, или же признания за нею суверенитета в территориальных ее водах Дуная с уничтожением европейской Дунайской комиссии. К этому можно было бы добавить гарантию свободного плавания чрез Проливы.

Таковые наши обязательства в связи с появлением русских войск в Добрудже получили бы значение гарантии румынам против нападения Болгарии, которая должна была бы быть своевременно поставлена в известность о состоявшемся соглашении и о согласии Румынии уступить ей Новую Добруджу до границ, установленных Петроградским протоколом.

Вышеуказанные обязательства наши могли бы быть, в свою очередь, обусловлены скорейшим выступлением Румынии против Австро-Венгрии по плану, который был бы выработан нашим штабом действующей армии.

Соглашение с Румынией могло бы в конце концов состояться на следующих основаниях.

Обязательства Румынии:

1. Свободный пропуск русских войск чрез румынскую территорию во время войны.
2. Открытие военных действий против Австро-Венгрии в союзе с Россией по плану русского штаба действующей армии.
3. Восстановление границы с Болгарией по окончании войны на основании Петроградского протокола 191[3] года.

Обязательства России:

1. Присоединение к Румынии австро-венгерских территорий с преобладающим румынским населением.
2. Участие Румынии в контрибуции.
3. Установление суверенитета Румынии на дунайских территориальных водах.

Не нужно скрывать от себя, что румыны, предвидя приобретение Россией обширной территории в соседстве с Проливами и самого Константинополя, будут, быть может, втайне надеяться на ее великодушные в смысле согласия на одновременное некоторое исправление своей границы в сторону Бессарабии. В их мыслях пример России¹, отняв у сербов повод оспаривать уступку ими македонских земель болгарам, способствовал бы окончательному разрешению сербо-болгарского спора и водворению общего прочного мира на Балканах, как одной из задач русской политики. Но само собою разумеется, что

¹ Так в оригинале.

подобная мысль не могла бы даже обсуждаться без установления теснейшего единения между Россией и Румынией и согласования румынской политики на будущее время с предначертаниями России.

А. Н е р а т о в.

№ 698. Послание в Сербию министру иностранных дел.

/. Делеша № 64.

27/14 декабря 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После обратного занятия Белграда ¹, завершившего блестящие успехи сербской армии, наступило временное затишье, а с ним вместе снова некоторая неопределенность общего политического положения.

Сербская армия перестраивается сообразно новым предположениям верховной команды, о коих доносит наш военный агент ². Постепенно приводятся в известность потери. Передышка перед возобновлением военных действий необходима, очевидно, для обеих сторон. Утомление и лишения, а также полный недостаток санитарных условий служат почвой для развития заразных болезней, особенно распространенных среди военнопленных. В самом Нише появился пятнистый тиф и получил довольно большое распространение, что неудивительно при скученности населения этого маленького города, обычно насчитывающего 23 000 жителей, а ныне вмещающего в себя свыше 100 000.

За последнее время усиливаются слухи о намерении Австрии снова перейти в наступление против Сербии. Слухи эти, несомненно, внушают здесь известное беспокойство, но Сербия так давно привыкла жить в постоянной тревоге, постоянной опасности, что здесь выработалась как будто привычка не слишком далеко заглядывать вперед навстречу грядущим напастьям, довольствуясь относительным спокойствием данного дня, данной минуты. Это отвечает той впечатлительности, с которой сербы переживают свои невзгоды и свои успехи. Та же особенность затрудняет ведение переговоров по жгучим вопросам, которые выдвинуты общим положением дел на Балканах.

Я воспользовался поездкой в Крагуевац для вручения верительных грамот престолонаследнику ³, чтобы ближе подойти к этим вопросам с Пашичем.

¹ См. стр. 226, прим. 3.

² См. № 680.

³ Тел. от 8 дек./25 нояб. (без номера) Трубецкой доносил о вступлении в управление миссий; о вручении верительных грамот он доносил деп. от 25/12 дек. за № 61.

Условия путешествия в одном вагоне создавали благоприятную обстановку для интимного обмена мнений. Я считал своим долгом прежде всего сделать возможное, чтобы укрепить впечатление, что в моем лице Пашич может видеть самого искреннего друга Сербии и что иным и не может быть здесь представитель России. Наши взгляды, наша оценка условий и способов разрешения вопросов могут иногда разниться от сербской, но наши конечные задачи не находятся в противоречии, ибо наши интересы в основах своих совпадают. России нужна сильная, крепкая Сербия, с которой нас связывает общность народного склада и общность врагов и в настоящем и в будущем. Раз это так, то наши отношения должны быть построены на искренности и откровенности, исключая всякие опасные недомолвки. «От меня вы всегда будете знать, чего ждет от вас Россия и на что вы можете от нас рассчитывать», — сказал я Пашичу.

После этих замечаний естественно было перейти к главному вопросу о сербо-болгарских отношениях и неразрывно связанному с ним македонскому вопросу.

Я не буду утомлять вашего внимания всеми аргументами как по существу вопроса, так и в связи с нынешней обстановкой, которые я изложил Пашичу, не буду также повторять в подробностях его возражения. Они в сущности были немногосложны и сводились к психологической невозможности ни для одного сербского политического деятеля согласиться на линию договора 1912 года. В глазах сербов это значило бы оправдать преступное нападение, совершенное в свое время Болгарией, признать бессмысленными жертвы, понесенные тогда Сербией не по ее вине. Тщетно я возражал, что условия с тех пор изменились, что речь идет об отказе от Македонии после нынешней войны, если Сербия получит новые обширные приобретения и доступ к морю по сербской земле.

Пашич не отрицает силы этих доводов, равно как и опасности, которая угрожает Сербии в случае нового вторжения в ее пределы австрийских войск, — опасности, которая могла бы быть предотвращена переходом в наш лагерь Болгарии и вооруженным выступлением Румынии. Он признает также, что, если переговоры о балканском союзе потерпят крушение, потому что Сербия откажется удовлетворить требования Болгарии, то последняя постарается использовать это для переложения ответственности на сербское правительство и для оправдания самовольного занятия Македонии.

На все эти доводы Пашич отвечал: «Все это так, но вы не найдете в Сербии человека, который дал бы согласие на договорную границу. Если Болгария силой займет Македонию, и мы не в состоянии будем

этому помешать, сербы скажут, что им приходится волей-неволей с этим примириться, а что потом все равно они снова отберут Македонию, но дать свое согласие мы не можем. Такой ответственности на себя никто не возьмет».

«Но разве вы не возьмете на себя еще большей ответственности, если потеряете Македонию, не получив того, что вам обеспечили бы державы в случае вашего согласия?» — возражал я.

На этот довод Папич снова ссылаясь не столько на существо вопроса, сколько на внутреннюю политическую обстановку, борьбу партий, конституционные условия, требующие созыва великой скупщины, и т. п.

Тогда я высказал мнение, что эти трудности могли бы быть устранены, если вопрос будет поставлен не как внутренний сербский, а как международный. Державы могут сообщить Папичу известное решение, ими принятое, притом в условной форме и поэтому не требующее согласия скупщины. Они скажут: «Если Болгария отдаст свои силы в распоряжение держав, и после окончания войны Сербия приобретет то-то, в этом случае Болгария будет награждена Македонией».

Папич признавал, что в подобной постановке вопроса есть известная выгода, но все же говорил: чтобы пойти на такую комбинацию, нужно быть уверенным, что после войны ее можно будет провести, что она не вызовет в стране сопротивления, а кто даст подобную уверенность?

Я не могу похвастаться, чтобы мне удалось пока вывести Папича из заколдованного круга этих возражений. Со времени поездки в Крагуевац мне пришлось дважды возвращаться к тому же предмету. Я поведал Папичу, между прочим, что Братиану со всевозможными оговорками уполномочил меня передать свое личное доверительное мнение, что если Болгария выступит, то Румыния со своей стороны выступит одновременно или непосредственно вслед за ней¹. На Папича это сообщение произвело несомненное впечатление, и он согласился со мной, что Братиану обыкновенно говорит меньше, а не больше того, что намерен сделать. Вместе с тем он высказал сожаление, что в вопросе о земельных уступках румынский министр так туго поддается на уговоры. Несомненно, что чем шире пошла бы Румыния в этом вопросе навстречу нашим желаниям, тем менее трудным было бы положение Папича. Лично для него трудности усугубляются тем обстоятельством, что он был у власти все время балканского

¹ См. № 671. О разговоре Трубецкого с Братиану см. № 628.

кризиса, и он же отстаивал нынешнюю границу с Болгарией. Между тем мы, конечно, не можем желать, чтобы положение Пашича было поколеблено, пока не кончится нынешняя война.

Я не берусь судить, окажется, или нет, возможным склонить Пашича к уступкам далее линии Вардара, на которую он идет. Во всяком случае шансы, несомненно, возрастут, если другие условия сложатся благоприятно, а именно, если Болгария предоставит свои силы в распоряжение держав и не будет настаивать на букве договорной границы, что очень существенно, и если, с другой стороны, Румыния в своих уступках ближе подойдет к духу Петербургского протокола.

До последней минуты однако Пашич постарается все сделать, чтобы избежать жертвы, которую он пока считает неосуществимой. Он все надеется, что время и перемена условий на театре войны избавят Сербию от такой постановки вопроса.

Если нынешнее положение продлится еще два месяца, хотя бы без перемен к худшему, и в феврале выступят Италия и Румыния, тогда, конечно, его расчеты могут отчасти оправдаться, ибо в этом случае выступление Болгарии не будет иметь уже прежней цены. Многое также будет зависеть от того, как скоро Австрия восстановит силы, предназначенные против Сербии. Этого здесь бояться, но, как я уже заметил в начале моего письма, сербы так свыклись с опасностями, что они обыкновенно реагируют на них, когда опасность уже переходит в непосредственную угрозу.

До сих пор в беседах моих с Пашичем я оставался в плоскости дружественного обмена мнений, стараясь показать, что я с полным вниманием отношусь к сербской точке зрения и хотел бы сделать все возможное, чтобы облегчить его задачу; вместе с тем я предупредил его, что может наступить день, когда ему придется стать лицом к лицу с определенно выраженной волей держав. Продолжать далее беседу в том же направлении я бы считал целесообразным только в том случае, если я буду располагать новыми фактами в подкрепление моих доводов. В числе их, кроме упомянутых выше условий, касающихся Болгарии и Румынии, считаю долгом отметить те земельные приобретения, на которые державы расположены были бы указать Сербии, как на минимум, обуславливающий уступку Болгарии Македонии после войны. Не могу также не повторить высказанного в одной из моих телеграмм¹ убеждения, что было бы крайне желательно, чтобы Франция и Англия не предоставляли нам всю тяжесть переговоров

¹ См. стр. 174, прим. 1.

в вопросе об уступках Сербии. Между тем здесь, несомненно, существует такое представление, и сам Папич указывал мне на него.

Подводя итоги сказанному, я прихожу к заключению, что хотя здешняя обстановка не дает пока возможности высказать твердую надежду на успех наших настояний, тем не менее, нельзя мириться с положением, которое сводится к полному тупику в сербо-болгарских отношениях. Если нам не удастся примирить Сербию с Болгарией, то это скажется не только в смысле неблагоприятных условий во время нынешней войны, но и после нее, в той атмосфере неустойчивости и недовольства на Балканах, которую всегда постараются использовать враги России. Оценивая с этой точки зрения руководящие начала, которые лежали до сих пор в основе наших усилий, я не могу усомниться в их глубокой правильности, а потому с своей стороны приложу все старания, чтобы не упустить минуты, если таковая представится, для возможного выполнения преподанных мне указаний.

Примите и пр.

Князь Т р у б е ц к о й.

**№ 699. Вице-директор дипломатической канцелярии при ставке
министру иностранных дел.**

Письмо ¹.

27/14 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Настроение на ставке в значительной мере менее пессимистическое, чем я ожидал. Из продолжительных бесед с Даниловым, а также из разговоров с Янушкевичем и другими лицами я вынес впечатление, что военное положение оценивается здесь более благоприятным образом, чем в Петрограде.

Наш фронт идет по рекам Бзуре, Равке и Дунайцу. Штаб предполагает, что далее этой линии нам отойти не придется. Дух войска считается здесь удовлетворительным. Санитарное состояние армии хорошее. Новый контингент в 800 000 человек готов и покрывает наши потери. Офицеров достаточно.

Против нас в недавних боях было 42 австрийских дивизии и 2¹/₂ германских корпусов, т. е. около 85 дивизий. Понесенные противником потери очень значительны. По имеющимся у нас данным, в германских ротах насчитывается не более 100 человек, несмотря на повтор-

¹ Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 116.

ное их укомплектование, в некоторых же ротах осталось всего 30 человек.

Большим местом нашим является недостаток в артиллерийских снарядах и в ружьях. Недостаток этот однако не таков, чтобы поставить нашу армию в критическое положение. Он лишь заставляет нас перейти к обороне и временно отказаться от широкого наступления, для которого требуется неизмеримо большее количество боевых средств. По всей армии дано распоряжение всемерно беречь снаряды. Это, впрочем, не означает, чтобы мы отказывались в ближайшее время от частных наступательных операций. Немцы будут оставаться и теперь под угрозой наших контр-ударов. Обратная переброска ими сил на западный фронт, если бы она состоялась, не может поэтому принять сколько-нибудь значительных размеров.

Повидимому, трудно рассчитывать, чтобы мы собственными силами могли выработать достаточное количество снарядов и ружей, чтобы скоро вновь перейти в широкое наступление. Янушкевич и Данилов поэтому сочувственно отнеслись к мысли использовать обращение лорда Китченера¹, чтобы в ответе ему указать на всю желательность, с точки зрения общего дела союзников, их помощи нам боевыми припасами. Выдвигается вопрос: не выгоднее ли Англии и Франции уделить нам часть своего производства или своих заказов и этим поддерживать наше наступление, чем, работая только на себя, рассчитывать только на собственное движение вперед и примириться с остановкой нашего наступления? Начальник штаба уже говорил по этому предмету с Лагишем и с Вильямсом. На-днях он будет иметь свидание с каким-то канадским офицером, предлагающим свое посредство для военных поставок. Здесь считали бы очень полезным, чтобы вы со своей стороны воздействовали на французского и английского послов, указав на всю важность содействия нам в деле пополнения наших военных запасов. Как только таковых у нас будет достаточное количество, наша армия вновь сможет перейти в решительное наступление и задаться целью перенести войну на германскую территорию. В этом, по словам Ю. Н. Данилова, заключается в настоящее время коренной вопрос, от которого зависит вся разработка наших будущих планов действий.

Ответ на обращение Китченера, который вы получите в копии² со следующим фельдгегерем, надеюсь вас удовлетворит. Данилов вполне оценил значение поддержания между нами и нашими союзни-

¹ О запросе Китченера см. № 713.

² См. № 713.

ками атмосферы доверия. Предложение воспользоваться этим обращением для выражения собственных наших пожеланий должно укрепить штаб в сознании пользы более тесных сношений с союзниками. Янушкевич однако не без основания заметил, что, если союзники наши требуют от нас сообщения наших военных предположений, то сами они не делятся с нами своими планами.

Согласно указаниям вашим и А. А. Нератова я подробно развил Янушкевичу и Данилову соображения о необходимости выяснения ныне же вопроса: можем ли мы рассчитывать самостоятельно осуществить операцию завладения Проливами, когда к тому настанет время, или же для того необходимо содействие других государств, и следовательно, требуется дипломатическая подготовка? Письмо ваше от [21] 8 декабря¹, опередившее меня здесь на два дня, совершенно не было понято Янушкевичем и Даниловым. Посланный вам ответ² является простой отпиской. Как только состоится новое обращение ваше к начальнику штаба с более точным выражением выдвигаемого вами вопроса, вам будет сообщено заключение верховной команды по сему предмету. Пока могу лишь сказать, что без содействия Болгарии, а также, по всему вероятно, и Румынии нам не обойтись. Позволю себе в следующем письме подробнее изложить сущность моих бесед здесь по этому предмету.

Примите и пр.

Б а з и л и.

№ 700. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 4456³.

28/15 декабря 1914 г.

Communiqué à Paris.

Télégramme No 764⁴ reçu.

Le projet de Mr. Delcassé visait, en outre de l'envoi de troupes japonaises sur le théâtre de la guerre, la conclusion d'une entente politique entre la Russie, la France, l'Angleterre et le Japon. Sir E. Grey en se déclarant contre de nouvelles démarches auprès du gouvernement japonais pour le décider à envoyer ses troupes en Europe ne paraît avoir formulé aucune objection contre une pareille entente.

Notre ambassadeur à Tokio nous informe que l'idée d'une entente politique plus étroite entre les gouvernements russe et japonais est

¹ См. № 675.

² См. стр. 244, прим. 2.

³ Лит. копия.

⁴ См. № 646.

вivement préconisée au Japon dans la presse et dans les milieux politiques. Le baron Motono dans nos conversations est revenu à plusieurs reprises à ce sujet, se déclarant en faveur de la convention politique entre la Russie, l'Angleterre et le Japon dont je vous ai parlé dans mon télégramme No 1722¹.

J'ai l'impression qu'au Japon on est préoccupé de la possibilité d'une revanche allemande, et que dès à présent on y pense aux combinaisons politiques qui garantiraient le Japon contre cette éventualité. On paraît y désirer de faire partie d'une combinaison ayant pour but de tenir en échec l'Allemagne. Il me semble probable que les Japonais redoutent la possibilité d'une dissolution de leur alliance avec l'Angleterre, qui aurait des résultats funestes pour leurs relations avec les Etats-Unis, vu surtout que l'Allemagne pourrait en profiter pour un rapprochement avec les Etats-Unis dirigé contre le Japon.

D'autre part, tout en souhaitant la consolidation de nos relations avec le Japon — ce qui nous permettrait de concentrer nos forces en Europe, nous ne croyons pas possible de conclure l'entente qu'on paraît désirer à Tokio sans que nos alliés d'Europe y prennent part, par crainte d'être placés dans la nécessité d'appuyer une politique japonaise qui pourrait ne pas s'accorder avec les intérêts français et anglais.

Ces considérations me font penser que le moment est favorable pour conclure l'entente entre la Russie, la France, l'Angleterre et le Japon que projette Mr. Delcassé et à laquelle en principe Sir E. Grey paraît être favorable.

Veuillez tâcher de tirer au clair les idées de Sir E. Grey à ce sujet et nous télégraphier le résultat de vos explications².

S a z o n o w.

Перевод.

Сообщаю в Париж.

Телеграмма № 764 получена.

Проект г. Делькассе имел в виду, помимо отправки японских войск на театр военных действий, заключение политического соглашения между Россией, Францией, Англией и Японией. Высказавшись против новых шагов перед японским правительством, имеющих целью склонить его к посылке своих войск в Европу, сэр Э. Грей, повидимому, не нашел никаких возражений против заключения подобного соглашения.

¹ См. № 23.

² Ответной тел. от 4 янв. 1915 г./22 дек. 1914 г. за № 832 Бенкендорф сообщал о разговоре Грея с япон. послом, причем, по словам Грея, выяснилось, что япон. прав-во «не считает настоящий момент подходящим для обсуждения вопроса о новых союзах». По мнению Грея, выяснение этого вопроса следовало бы поручить Малевскому. Тел. от 31/18 дек. за № 719 (опубл. Stieve, S. 163,

Наш посол в Токио нам сообщает, что мысль о более тесном политическом соглашении между Россией и Японией встречает в Японии поддержку в печати и в политических кругах. В наших разговорах барон Мотоно несколько раз возвращался к этой теме, высказываясь за заключение политической конвенции между Россией, Англией и Японией, о чем я вам говорил в моей телеграмме № 1722.

У меня создалось впечатление, что в Японии озабочены возможностью германского реванша, и что там уже теперь обсуждают политические комбинации, которые гарантировали бы Японию против подобных возможностей. Повидимому, там желают принять участие в комбинации, которая лишила бы Германию свободы действий. Мне представляется вероятным, что японцы боятся возможности прекращения существования их союза с Англией; это могло бы иметь пагубное влияние на их взаимоотношения с Соединенными Штатами в особенности потому, что Германия может этим воспользоваться для сближения с Соединенными Штатами, направленного против Японии.

С другой стороны, желая укрепления наших отношений с Японией, что позволило бы сосредоточить наши силы в Европе, мы не считаем возможным заключить соглашение, к которому, повидимому, стремятся в Токио, без привлечения к нему наших европейских союзников из опасения быть поставленными перед необходимостью поддерживать японскую политику, которая не согласовалась бы с французскими и английскими интересами.

Эти соображения наводят меня на мысль, что наступил благоприятный момент для заключения соглашения между Россией, Францией, Англией и Японией; его предложил г. Делькассе, а сэр Э. Грей в принципе относится к нему благоприятно.

Благоволите выяснить намерения сэра Э. Грея на этот счет и телеграфировать нам результат вашего разговора.

С а з о н о в.

№ 701. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 802.

28/15 декабря 1914 г.

Reçu votre télégramme No 4442 ¹.

Grey absent jusqu'à mercredi, ai lu contenu de ce télégramme à Nicolson et lui ai exprimé mon profond étonnement d'un fait non seulement

№ 246) Извольский сообщал, что Делькассе вполне согласен с высказанными в настоящей тел. Сазонова соображениями. По мнению Делькассе, как япон. прав-во, так и япон. общественное мнение постепенно склоняются к мысли о воен. кооперации с союзниками на европейском театре; поэтому он считает желательным «ныне же обратиться от имени трех держав к японскому правительству с коллективным предложением о подобной кооперации».

¹ Тел. от 26/13 дек. за № 4442 на имя Бенкендорфа Сазонов сообщал о беседе Коростовца и Тоунлея с Мостоуфи-оль-Мемалеком, во время которой «Тоунлей между прочим высказал, что признает эвакуацию наших войск весьма желательной и что, быть может, мы согласились бы на это взамен отказа персов от настояний об удалении Шоджа-ад-Доуле, который в таком случае мог бы быть назначен главнокомандующим в Азербайджане с подчинением велиагду». Са-

irrégulier, mais qui en réalité constituerait une interruption de la coopération des deux légations, mis à découvert aux yeux du gouvernement persan. Nicolson me répondit qu'il croyait que Townley n'avait pas été tout-à-fait aussi précis, qu'il s'était agi de trouver une situation officielle pour Schodja. Néanmoins, il me dit, quoique en absence de Grey il ne désirait parler que de façon privée, que les arguments de votre télégramme étaient fort sérieux. Il me dit que situation à Téhéran le préoccupait extrêmement, qu'il y voyait un danger réel pour situation actuelle, que agitation turco-allemande s'y accentuait et que si elle obtenait des résultats qui amèneraient des complications avec la Perse, il en résulterait un danger direct et réel pour l'Angleterre extrêmement sérieux. Je répondis à Nicolson que je voyais dans ce qu'il me disait une raison de plus pour y mettre énergiquement bon ordre sans aucun retard. Il en convint et m'exprima combien il mettait d'espérance dans les pourparlers qui allaient commencer entre vous et Buchanan sans aborder les légations. Je crois que de cette façon un accord est assuré. Mais nous convinmes tous les deux que tant au point de vue anglo-russe pur qu'à celui de la guerre où la Perse peut devenir un élément dangereux, l'accord entre les deux gouvernements ne suffisait pas, qu'il devait avant tout être mis en pratique sur place, ce que le langage tenu par Townley ne permettait pas d'espérer¹. Je lui ai dit que j'étais persuadé que vous feriez votre possible, mais que gouvernement anglais devrait y mettre au moins la même énergie. Il m'a dit que dès le retour de Grey, il soulèverait toute la situation dans tout son sérieux. Nicolson me parla ensuite d'un projet de confier deux sotnias de kosaks persans à Schodja aux frais provisoires du vice-roi du Caucase. Il craint que cela ne constitue une violation de la neutralité du côté de la Perse qui sera immédiatement exploitée par la Turquie. Je lui répondis que je ne connaissais pas cette affaire. J'avais chargé Sabline de parler à Olifant du langage tenu par Townley. Olifant répondit que Buchanan avait télégraphié la même chose. La chose paraît à Olifant à peine croyable. Il pense à un malentendu. Un télégramme a été expédié à Townley pour lui demander des explications.

B e n c k e n d o r f f.

зонов высказывал мнение, что «таковое заявление великобританского представителя находится, несомненно, в противоречии с мнением Грея, признавшего невозможность отозвания наших войск из Азербайджана; с другой стороны, подобные заявления способны лишь укрепить в персах несбыточные надежды и еще более осложнить положение».

¹ Слова «Mais nous convinmes ...d'espérer», искаженные в телеграфной передаче, исправлены по имеющемуся в делах б. росс. пос-ва в Лондоне черновику публикуемой тел.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 4442.

Так как Грей был в отсутствии до среды, я прочел содержание этой телеграммы Никольсону и высказал ему свое глубокое удивление по поводу факта, не только неправомерного, но фактически означающего прекращение сотрудничества обеих миссий, происшедшее на глазах у персидского правительства. Никольсон мне ответил, что, по его мнению, Тоунлей не был столь категоричен, что дело шло о присвоении официального положения Шодже. Тем не менее он мне сказал, что хотя в отсутствии Грея он желал бы говорить лишь частным образом, он находит доводы вашей телеграммы очень серьезными. Он сказал мне, что положение в Тегеране его крайне озабочивает, что он видит в нем реальную угрозу для существующего положения, что там усиливается германо-турецкая агитация, и что если бы она привела к осложнениям с Персией, то это создало бы непосредственную и действительную угрозу, которая имела бы для Англии весьма серьезное значение. Я ответил Никольсону, что я усматриваю в том, что он мне говорит, новое основание для необходимости энергичного и незамедлительного урегулирования положения. Он с этим согласился и высказал мне, сколько надежд он возлагает на успех переговоров, которые начнутся между вами и Бьюкеноном, не затрагивая миссий. Я думаю, что таким образом соглашение будет обеспечено. Но мы оба оказались единодушны в том, что с чисто англо-русской точки зрения, и учитывая, что во время войны Персия может стать опасною силою, соглашения между обоими правительствами недостаточно, что прежде всего необходимо его применить на месте, на это же заявления Тоунлея не позволяют надеяться. Я ему сказал, что убежден в том, что вы сделаете все, что в ваших силах, но что английское правительство должно проявить при этом по крайней мере такую же энергию. Он мне ответил, что с момента возвращения Грея он поставит на обсуждение вопрос о всей серьезности положения. Затем Никольсон говорил со мной о проекте поставить в распоряжение Шоджи две сотни персидских казаков временно за счет наместника на Кавказе. Он опасается, как бы это не явилось нарушением нейтралитета со стороны Персии, которое будет тотчас же использовано Турцией. Я ему ответил, что я не осведомлен в этом вопросе. Я поручил Саблину переговорить с Олифантом о заявлениях Тоунлея. Олифант ответил, что Бьюкенен телеграфировал то же самое. Олифанту дело кажется мало вероятным. Он думает, что это недоразумение. Тоунлею послана телеграмма, требующая от него объяснений.

Бенкендорф.

№ 702. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Телеграмма № 390.

28/15 декабря 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 355 ¹.

Сегодня министру иностранных дел передается англо-французская нота, которою достигается соглашение по вопросам торговли военной

¹ Тел. от 5 сент./23 авг. за № 157, от 12 сент./30 авг. за № 182, от 16/3 сент. за № 187, от 26/13 сент. за № 223 и от 1 окт./18 сент. за № 234 Свечин сообщал о переговорах англ. и франц. прав-в с нидерл. прав-вом по вопросу о ввозе в

контрабандой. Она выражает согласие на заключающиеся в последней голландской ноте предложения — ввоз пшеничного зерна и муки, меди, керосина и его субпродуктов непосредственно на имя правительства, а остальные предметы относительной контрабанды на имя нидерландского морского треста, за добросовестность коего правительство принимает полную нравственную гарантию. Далее нота принимает к сведению сделанные министром иностранных дел словесно дополнительные заявления, главнейшие из коих касаются периодического сообщения английскому торговому агенту официальной статистики всего импорта и экспорта, а также письменной регламентации с тем же агентом деятельности треста, каковые письма будут считаться примечанием к ноте. Текст ноты был предварительно обсужден с Лоудоном при моем содействии и после некоторых поправок принят им. Весьма стоворчливый по существу, он желал по форме избежать всего, что имело бы вид формального «соглашения» с одной из воюющих сторон. По сему сообщение будет заключаться в подтверждении установившегося по всем пунктам «согласия». Достигнутые результаты нельзя не признать весьма благоприятными. Текст ноты условлено не предавать гласности без обоюдного согласия.

С в е ч и н.

Голландию съестных припасов и о вывозе их в Германию, а также о принятых в связи с этим голл. прав-вом мерах.

Тел. от 18/5 нояб. за № 329 Свечин сообщал о вручении англ. и франц. посланниками нидерл. м-ру ин. дел меморандума «с более определенными правилами, коих Англия и Франция намерены придерживаться» в вопросах военной контрабанды. Лоудон, по словам Свечина, уже осведомленный о содержании этих правил, заранее (13 нояб. /31 окт.) передал англ. посланнику ноту, излагающую «принципиальные основы, коих нидерландское правительство обязано в силу трактатов придерживаться в торговле с воюющими державами».

Тел. от 2 дек./19 нояб. за № 351 Свечин сообщал, что, согласно ответа англ. прав-ва на нидерл. ноту, целью англо-франц. меморандума является установление строгого разграничения между импортом через Роттердам, являющийся «фактически не чисто голландским портом», и импортом, предназначенным действительно для Голландии. Этот меморандум, по сообщению Свечина, содержал требование гарантий со стороны голл. прав-ва в том, что ввозимые в Голландию хлеб, рис, медь, керосин, кожи, мясо и корма для скота не будут вывозиться в Германию.

Тел. от 6 дек./23 нояб. за № 355 Свечин доносил, что в ответной ноте на англо-франц. меморандум нидерл. прав-во выражает согласие взять непосредственно на себя закупку хлеба, меди и керосина, остальные же товары, на которые требуется гарантия, будут закупаться специально организованным для этой цели трестом важнейших голландских торговых фирм и паросудных компаний; все другие частные грузы будут считаться сомнительными. Англ. и франц. посланники, по словам Свечина, «считают соглашение на этой базе приемлемым».

№ 703. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

//. Телеграмма № 1264 ¹.

28/15 декабря 1914 г.

Копия в Цетинье.

Итальянский посланник, по поручению своего правительства, сообщил сербскому правительству, что Италия вынуждена была занять Валону для охраны порядка, но продолжает признавать силу лондонских постановлений ². На это Иованович заметил, что брожение среди албанцев может принудить Сербию также занять известные стратегические пункты, дабы обеспечить себя от нападения с этой стороны. Итальянский посланник сказал, что, по его личному мнению, Сербии давно уже следовало так поступить. В беседах по этому поводу как с Пашичем, так и со здешним черногорским посланником я предостерегал обоих от соблазна последовать примеру Италии, высказав убеждение, что у нас не могут сочувствовать отвлечению сил от главной цели. С политической точки зрения известное поощрение со стороны Италии естественно, ибо оно отвлекло бы силы Сербии от славянского побережья. Оно дало бы также повод болгарам сказать, что Сербия первая вступает на путь захватов. Разделяя эти доводы, Пашич сказал мне, что занятие пограничных пунктов (не) входит в виды Сербии, и что только действительное движение итальянцев ³ на границы может принудить к этой мере. Недоверие к Италии здесь вообще растет и подавляется лишь сознанием необходимости пока его не обнаруживать. Иованович воспользовался случаем, чтобы сказать мне, что занятие Валоны усиливает для Сербии необходимость удержать обеспеченное сообщение с Салониками, ибо Италия будет иметь ключ морских сообщений на Адриатике. На это я возразил, что в мирное время морская торговля обеспечена, а в военное — только одна (Англия) может пока на это рассчитывать, следовательно, Салоники не меняют положения. Не представилось ли бы однако целесообразным, когда права на Валону будут окончательно закреплены за Италией, оговорить полную свободу плавания для нейтральных в мирное и военное время в Отрантском проливе?

Т р у б е ц к о й.

¹ Оpubл. Ц. Р., стр. 256, № 47.² Письмом от 31/18 дек., сообщая подробности оккупации Валоны по данным итал. печати, Крупенский отмечал, что Соннино объяснил ему занятие Валоны беспорядками в Албании, но сослался при этом на австр. и турец. агитацию в Албании и на намерение Австрии послать десант в Албанию для совместных действий с албанцами против Сербии. Оккупация Валоны, по сведениям Крупенского, вызвала в Австрии большое недовольство, и Берхтольд заявил итал. послу, что он ожидает от итал. прав-ва повторной декларации о намерении оставаться на почве лондонских постановлений.³ Так в оригинале.

№ 704. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 625.

28/15 декабря 1914 г.

Телеграмма за № 4430 ¹ получена.Ссылаюсь на телеграмму Орлова за № 393 ².

Предлагаемые в телеграмме за № 393 меры являются новым шагом к обособлению Азербайджана и не могут быть здесь истолкованы иначе. Это несовместимо с инструкцией — не возбуждать персидского общественного мнения, избегать всего того, что могло бы усилить мусульманскую пропаганду и действовать в соглашении с Тоунлеем. Между тем последний в вопросах (об открытии меджлиса, удалении Шоджа-эд-Доуле, перемены кабинета, эвакуации Азербайджана и вообще вмешательства в администрацию последнего) стоит на противоположной нам точке зрения, продолжая отстаивать вытекающие из принципов соглашения 1907 года суверенитет и административную централизацию, к коим он прибавил ныне и обязательство уважать персидский нейтралитет. Тоунлей не скрывает этого от персов, чем препятствует действительной совместности действий и часто ставит меня в безвыходное положение. По поводу Шоджа-эд-Доуле считаю долгом предупредить, что пребывание его в Азербайджане несомненно поддерживает раздражение, служа одним из главных обвинений против нас и принося, быть может, больше вреда, чем пользы, с точки зрения общего нашего влияния и налажения отношений ³. Удаление его под тем или иным благовидным предлогом безусловно облегчило бы здесь положение. Уже высказанное мной мнение о нежелательности выступления против меджлиса подтверждается и нашими сторонниками, которые не сомневаются, что даже при совместных действиях двух миссий ответственность за какие-нибудь шаги в этом направлении будет возложена на Россию. Опасаюсь, что истолкование Тоунлеем мусульманской пропаганды и упадка влияния двух миссий, приписываемых им всецело нашим действиям в Азербайджане, а также недостаточным, якобы, уступчивости и дружелюбию моим, не отвечает действительности. Мне кажется, что причину этих явлений скорее следует искать в слабости и попустительстве кабинета, допустившего, например, распространение известной вашему высокопревосходительству неджефской фетвы ⁴, несмотря на

¹ См. № 692.² В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.³ Тел. от 2 янв. 1915 г./20 дек. 1914 г. за № 4522 Клемм уведомлял Орлова о том, что «по политическим соображениям министр считает удаление из Азербайджана Шоджа-эд-Доуле весьма желательным, тем более, что надежды, на него возлагавшиеся, совершенно не оправдались».⁴ См. стр. 136, прим. 1.

данное обещание изъять ее из обращения, что значительно усилило враждебность. Английская миссия находит все же возможным поддерживать этот кабинет, выступая даже зачастую, как я мог заметить, перед ним на защиту нарушаемых, якобы, нами прав Персии, что, конечно, не может способствовать нашей популярности. Убежден, что при сильном главе правительства, поставленного в зависимость от искренно согласованных требований двух миссий, независимо от уступок, которые мы могли бы сделать персам, опасности мусульманской пропаганды и вообще враждебных выступлений значительно сократятся, теперешняя же обстановка способствует работе немцев и турок, стремящихся переманить персов на свою сторону и попутно вызвать беспорядки, которые могут вспыхнуть ежедневно, на что уже имеются данные. Коренное улучшение настоящего сложного положения существенно важно. Сомневаюсь однако, что оно могло бы быть достигнуто, не затронув соглашения 1907 года.

К о р о с т о в е ц.

**№ 705. Вице-директор дипломатической канцелярии при ставке
министру иностранных дел.**

Письмо ¹.

28/15 декабря 1914 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь писать вам в последнем письме ², я имел несколько бесед с генерал-квартирмейстером по возбужденному вами вопросу о способах осуществления нами операции захвата Проливов, когда для того наступит время. Позволяю себе изложить вам мысли, высказанные по сему предмету Ю. Н. Даниловым, в качестве личного его мнения.

Производство высадки на турецком берегу по близости Босфора при настоящих условиях надлежит признать невозможным. Когда шла речь о подобной операции, то имелось в виду выполнить ее неожиданно для Турции. При мобилизованном же ее состоянии и приведении побережья к северу и к югу от пролива в укрепленное положение операция эта становится неосуществимой. Десантная операция могла бы быть направлена на малоазиатский берег несколько дальше от Босфора. Если сама по себе такая операция не может быть признана невыполнимой, на ней, по мнению генерал-квартирмейстера, нельзя основывать расчетов на успех. При высадке на территорию враждебного государства необходимо сразу выгрузить значительные силы, слабые же

¹ Оpubл. К-поль и Пр., II, стр. 118.

² См. № 699.

транспортные средства, которыми мы ныне располагаем в Черном море, не позволяют нам с первым эшелоном перевести более одного корпуса, а от высадки одного эшелона до высадки другого пройдет никак не менее недели. Количество перевозочных средств, могущих быть использованными нами в Черном море, в настоящее время особенно ограничено ввиду того, что значительная часть судов Добровольного флота осталась вне Черного моря, и в нем весьма мало иностранных судов. Мобилизованное состояние турецкой армии и нынешнее расположение составляющих ее частей позволило бы Турции довольно быстро сосредоточить значительные силы против тех войск, которые мы могли бы высадить на малоазиатском берегу. Войска эти рисковали бы быть выброшенными турками в море. Опасность такого исхода была бы особенно значительна в период собирания нашей десантной армии на неприятельском берегу. Затем путь к Проливам из глубины Малой Азии весьма затруднителен для наступления армии вследствие характера местности и бездорожья. Наконец, занятие азиатского берега Босфора еще не знаменует собой овладения им, которое должно быть завершено на европейском берегу.

По всем этим причинам рассчитывать на самостоятельное осуществление нами операции захвата Проливов, по мнению Ю. Н. Данилова, нельзя. Содействие Болгарии нам для этого совершенно необходимо. Лишь высадка на болгарском берегу в обеспеченных условиях может привести к успеху. Болгарская армия должна будет служить нам заслоном, пока мы не соберем на ее территории достаточных сил для движения на Чаталджинские позиции. Так как морские сообщения между Одессой и болгарскими портами сравнительно менее угрожаемы со стороны Босфора, чем путь между нашим побережьем и западной частью малоазиатского, то десантная операция в Болгарию сопряжена с относительно меньшим риском, чем высадка на малоазиатское побережье. Однако, если мы не достигнем безусловного морского господства на Черном море и не сможем обезопасить себя от «Гебена», — а удастся ли нам это пока неизвестно, — то необходимо предусмотреть еще и другую альтернативу, а именно прохождение нашей армии сухим путем через Румынию. Договориться с последней, по мнению генералквартирмейстера, желательно во всяком случае. Даже в случае высадки нашей армии в Болгарии может оказаться полезным установление связи ее с тылом через Румынию.

Тут выдвигается вопрос, какой из этих двух альтернатив — высадке на болгарское побережье или проведению наших войск через Румынию, — надлежит дать предпочтение с чисто военной точки зрения, т. е. безотносительно к трудностям привлечения на нашу сторону не только

Болгарии, но и Румынии. Одним из основных условий всякой военной операции является ее безопасность. Этому условию, конечно, более полно отвечает путь через Румынию. Десант же на болгарскую территорию давал бы этой операции большую свободу, и может быть, несколько ускорил бы ее производство. Первое операционное направление — через Румынию — могло бы быть признано основным, второе — десант на босфорскую¹ территорию — дополнительным.

Для овладения Чатаджинской позицией необходимо будет содействие флота, без которого овладение сильной с фронта Чатаджинской позицией весьма затруднительно. Последнее выразится в обстреле с фланга турецкой оборонительной линии и, может быть, в производстве в тылу ее высадок под прикрытием огня наших судов. После завладения Босфором или одновременно с этой операцией придется завоевать Галлиполийский полуостров. Операция эта также потребует поддержки флота. Со стороны Мраморного моря содействие нашей армии окажет Черноморский флот. Действия против Галлиполийского полуострова могли бы быть существенным образом облегчены флотом, находящимся в Ксеросском заливе. Ю. Н. Данилов поэтому весьма приветствует наше намерение приобрести аргентинские дредноуты². Содействие их окажется необходимым и для блокирования Дарданелл во время наших операций, которые нам, быть может, придется вести без помощи наших союзников.

Для занятия Проливов, по мнению Ю. Н. Данилова, требуется от 8 до 10 корпусов. Указываемая иногда минимальная цифра в 6 корпусов представляется ему недостаточной. Генерал-квартирмейстер категорически утверждает, что до окончания военных действий на западном фронте нашем мы не сможем отвлечь от него 8—10 корпусов для операции против Проливов. А. А. Нератов выдвигал вопрос, нельзя ли надеяться на постепенное возрастание нашей армии и, следовательно, на то, что к концу войны на западном фронте появится избыток сил, могущий быть использованным для действия против Проливов. Ю. Н. Данилов с уверенностью заявляет, что мы в лучшем случае

¹ Так в оригинале.

² Письмом от 11 дек./28 нояб. за № 9883/618 Григорович уведомлял Сазонова о намерении мор. ведомства приобрести аргентинские дредноуты «Ривадавия» и «Морено». Отмечая, что в случае поручения рос. флоту блокады Дарданелл, ее можно было бы осуществить только путем покупки судов за границей, и что, с другой стороны, не исключена возможность покупки упомянутых дредноутов Грецией, — факт крайне нежелательный для России, — Григорович просил заключения Сазонова. В ответном письме от 16/3 дек. за № 238 Сазонов сообщал, что «если приобретение означенных кораблей может обеспечить операцию нашу против Проливов», то он считает покупку их желательной.

закончим войну с нынешним числом организационных единиц, об увеличении же их нельзя думать. Мы до сих пор не могли даже восстановить 13-й и 15-й корпуса. С течением же времени значительная часть военного материала придет в негодность, и израсходуется офицерский и унтер-офицерский персонал, так что даже укомплектование существующих войсковых частей сделается все более затруднительным. Готовый ныне контингент в 800 000 человек восполнит понесенные потери, следующий контингент покроет расход в людях предстоящих месяцев. Ю. Н. Данилов думает, что даже в случае заключения нами сепаратного мира с Австрией нам невозможно будет отвлечь с западного фронта достаточные силы для операции против Проливов, тем более, что может к тому времени потребоваться усиление наших войск на Кавказе. Операция наша против Проливов рисуется генерал-квартирмейстеру лишь в виде отдельной кампании после конца борьбы с Германией. Если это так, то наше завладение Проливами мыслимо лишь в случае достижения решительного успеха над Германией, после которого она не сможет явиться помехой отвлечению наших сил для действий против Турции.

По вопросу о способах осуществления операции завладения Проливами я беседовал также с А. В. Немитцем. Он вполне присоединяется ко всем вышеуказанным мыслям.

Примите и пр.

Н. Б а з и л и.

Р. С. Настоящее письмо было прочитано Ю. Н. Даниловым и вполне им одобрено ¹.

№ 706. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

Письмо № 902 ².

29/16 декабря 1914 г.

М. г. Николай Николаевич,

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от [25]12 сего месяца, № 1067 ³, и вновь обращаюсь к вам с просьбой не

¹ Копия публикуемого письма была послана Базили Гулькевичу при письме от 29/16 дек., в котором он сообщал, что письмо Сазонова Янушкевичу от 21/8 дек. за № 863 (см. № 675) было неправильно понято последним. (См. стр. 241, прим. 2).

² Оpubл. К-поль и Пр., II, стр. 121.

³ Повидимому, ошибка; имеется в виду письмо Янушкевича от 25/12 дек. за № 1064 (см. стр. 241, прим. 2).

отказать сообщить мне некоторые данные, могущие более подробно осветить интересующий министерство иностранных дел вопрос. Я считаю своим долгом беспокоить ваше высокопревосходительство, не взирая на то, что все внимание ваше поглощено событиями, происходящими на западном фронте, ибо вверенному мне министерству необходимо знать, обязано ли оно подготовить для наступления нашей армии к Проливам условия, которые позволили бы избежать переправы по Черному морю либо сократить по возможности таковую. Если же боевая готовность нашего флота позволяет совершить сказанную операцию, не прибегая к помощи соседних государств, то министерству иностранных дел не подобает вступать в какие бы то ни было переговоры по этому вопросу.

Преждевременное начатие переговоров может оказаться, с точки зрения интересов России, столь же невыгодным, как и отсутствие дипломатической подготовки, ибо нельзя поручиться за немедленный успех этих переговоров.

Примите и пр.

С а з о н о в.

№ 707. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 803.

29/16 декабря 1914 г.

Haldane, qui remplace Grey jusqu'à son retour, me dit que d'après informations du gouvernement français, Japon se montrerait mieux disposé que jusqu'ici à mettre une partie de son armée à la disposition des alliés et que gouvernement français est fort désireux d'un fort contingent japonais en France. Haldane a ajouté que gouvernement anglais n'a pas d'informations coïncidentes. Il pense d'ailleurs que transport par mer d'une armée considérable rencontrera difficultés insurmontables. Il désirerait savoir si — dans le cas où informations françaises se vérifiaient, mais qu'arrivée en France du contingent japonais fût reconnu impraticable — aide japonaise pourrait être utile ou paraîtra désirable au gouvernement (impérial). Je répondis que je m'informerais, mais que je croyais savoir que c'est surtout pour France que vous aviez eu en vue aide du Japon¹.

В е н с к е н д о р ф ф.

¹ Ответной тел. от 31/18 дек. за № 4497 Сазонов, излагая ход переговоров о посылке япон. добровольческого отряда в Россию (см. № 292 и прим.), сообщал, что Мотоно дал ему понять, «что о посылке японских войск на европейские театры войны не может быть и речи», и что с тех пор «мы не возвращались поэтому к этому вопросу».

Перевод.

Холден, замещающий Грея до его возвращения, сказал мне, что, согласно сообщениям французского правительства, Япония высказывает большую, чем до сих пор, готовность предоставить часть своей армии в распоряжение союзников, и что французское правительство очень желало бы располагать сильным японским контингентом во Франции. Холден добавил, что у английского правительства аналогичных сведений нет. К тому же Холден полагает, что вопрос перевозки значительной армии морским путем может натолкнуться на непреодолимые затруднения. Он желал бы знать на тот случай, если французские сведения оправдаются, но посылка японских войск во Францию окажется неусущест्वимой, могла ли бы японская помощь оказаться полезной и желательной императорскому правительству. Я ответил, что сделаю соответствующий запрос, но что мне казалось, что вы имели в виду японскую помощь главным образом для Франции.

Бенкендорф.

№ 708. Генеральный консул в Калькутте министру иностранных дел.

Депеша № 35¹.

29/16 декабря 1914 г.

8 декабря / 25 ноября я телеграфировал д. с. с. Козакову, что члены конференции по тибетским делам переехали из Симлы в Дели, что переговоры продолжают вестись в строжайшей тайне и, повидимому, затянутся еще на несколько недель. Судя по доходящим до меня из частных источников слухам китайский и тибетский делегаты вряд ли покинут Дели раньше марта; для них нанято помещение на «сезон», т. е. до апреля. В апреле же сэр Генри Мак-Магон уезжает в отпуск в Англию. Китаец, понятно, может уехать во всякое время, но тибетский уполномоченный вынужден будет остаться в Индии до весны, до того времени, когда перевалы на Гималаях станут проходимы. О том, что происходит на конференции и насколько переговоры продвинулись, нельзя составить себе ни малейшего представления. Из крайне отрывочных данных я вывожу однако заключение, что тибетский делегат всецело на стороне англичан, и что от него нельзя ожидать сколько-нибудь серьезного противодействия достижению ими преследуемых в настоящее время целей.

Считаю долгом отметить, что газеты, очевидно, повинувшись внушению правительства, хранят упорное молчание не только о работах конференции, но вообще о тибетских делах. До приезда сюда членов конференции в течение приблизительно полутора лет моего пребывания в Индии я имел возможность черпать сведения о внутреннем положении Тибета из газетных источников, из сообщений пограничных корреспон-

¹ Лит. копия.

дентов больших газет и мог вполне доверять этим корреспонденциям. За последние же месяцы корреспонденты эти не напечатали о Тибете ни одной строчки. Поневоле является предположение, что в интересах Англии — не оповещать о том, что делается в Тибете, насколько далеко проникают ее коммерческие агенты и какие принимаются меры для дальнейшего обеспечения ее торговли и безопасности ее границ.

Примите и пр.

[Н а б о к о в.]

**№ 709. Дипломатический агент в Монголии
министру иностранных дел.**

Телеграмма № 272.

Кяхта, 29/16 декабря 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 270 ¹.

Китайские делегаты передали мне сегодня памятную записку следующего содержания:

«Республиканское правительство, считая, что три вопроса о железных дорогах, телеграфе и почте по Внешней Монголии прямым образом затрагивают его суверенные права и единство территории, всегда будет поддерживать свой взгляд, пока эти вопросы не будут окончательно решены по соглашению между двумя правительствами.

Республиканское правительство уполномочивает нас однако продолжать переговоры в Кяхте, отложенные вследствие требования императорского российского делегата исключить из обсуждения этот вопрос, уже обсуждавшийся на последних заседаниях».

21-е заседание тройных переговоров назначено на [31]18 декабря.

Копия сообщена в Пекин.

М и л л е р.

**№ 710. Памятная записка китайской миссии в Петрограде
министру иностранных дел.**

№ 594.

30/17 декабря 1914 г.

D'après les instructions télégraphiques de Pékin en réponse à son rapport relatif à l'aide-mémoire du ministère impérial des affaires étrangères en date du [10 décembre] 27 novembre a. c.², la légation de

¹ Тел. от 28/15 дек. за № 270 Миллер сообщал, что кит. делегаты «продолжают уклоняться от продолжения переговоров, ссылаясь на неполучение инструкций из Пекина».

² Пам. записка рос. м-ва ин. дел от 10 дек./27 нояб. являлась ответом на просьбу кит. миссии дать письменное подтверждение того, что русско-монг.

Chine est chargée de faire savoir audit ministère que la Chine n'a nullement l'intention de s'accaparer des chemins de fer en Mongolie Extérieure, mais, puisqu'il existe une entente russo-mongole, la Chine, dans ce cas, ne peut pas rester indifférente au point de vue du lien territorial et du droit de suzeraineté. Si le gouvernement russe prend comme base les obligations antérieures que la Chine a contractées vis-à-vis de la Russie, ce sera plus juste de noter tout simplement qu'en cas qu'un chemin de fer devrait être construit au nord et au nord-est de Pékin, cette construction serait appliquée d'après l'arrangement sino-russe en date du 2 juin 1899. Quant à la ligne qui traverserait la Mongolie Extérieure, si celle-ci pouvait se procurer des fonds nécessaires à la coopération de l'entreprise avec la Chine, le gouvernement chinois ne refusera pas de donner son consentement. S'il s'agissait de faire cette construction à l'aide d'un emprunt étranger, le gouvernement chinois devrait, à cet effet, s'adresser préalablement au gouvernement russe.

Cette manière d'agir éviterait toute contestation qui pourrait avoir lieu à l'avenir.

Ledit ministère est prié de vouloir bien répondre à la légation s'il partage la manière de voir du gouvernement chinois. En cas d'accord, cette question pourrait être considérée comme réglée¹.

Перевод.

Согласно телеграфным инструкциям, полученным из Пекина, в ответ на донесение по поводу памятной записки императорского министерства иностранных

ж.-д. соглашением не затрагиваются сюзеренные права Китая, и что последний имеет право заключить с Монголией аналогичное ж.-д. соглашение.

Сущность русского ответа сводилась к след.: ж.-д. дело во Внешней Монголии относится к области, в которой монг. прав-во самостоятельно; по просьбе монг. прав-ва Россия согласилась помочь ему в деле постройки ж. д., заручившись гарантией, что во Внешней Монголии не будут построены дороги, подрывающие построенные на русские капиталы линии; в принципе монг. прав-во имеет право заключить с Китаем аналогичное ж.-д. соглашение при условии, чтобы оно не нарушало русско-монгольского, и чтобы в нем были приняты во внимание предшествующие обязательства Китая перед Россией, изложенные в ноте цзун-ли-ямыня от 2 июня / 20 мая 1899 г.; во Внешней Монголии ж. д. могут строиться только на средства монг. прав-ва.

¹ На подлиннике имеется следующая надпись рукою Козанова: «Я сказал китайскому посланнику, передавшему мне эту памятную записку, что об этом вопросе, как относящемся к области русско-китайской политики в Монголии, следует говорить по заключении или, по крайней мере, по выработке тройного договора. Китайский посланник обещал телеграфировать в Пекин и с тех пор не возвращался к этому вопросу. К о з а н о в. [20] 7 января 1915».

дел от [10 декабря] 27 ноября с. г., китайская миссия уполномочена довести до сведения министерства, что Китай отнюдь не имеет намерения присвоить себе железные дороги во Внешней Монголии, но, ввиду существования русско-монгольского соглашения, Китай в данном случае не может оставаться равнодушным с точки зрения территориальной связи и сюзеренных прав. Если русское правительство ищет оснований в предшествующих обязательствах, которые Китай принял на себя по отношению к России, было бы справедливее просто отметить, что в случае, если нужно будет построить железную дорогу на север и северо-восток от Пекина, к этой постройке должно быть применено русско-китайское соглашение от 2 июня 1899 г. Что касается линии, которая бы пересекла Внешнюю Монголию, если бы последняя могла найти капиталы, нужные для осуществления этого предприятия совместно с Китаем, то китайское правительство не откажет в своем согласии. Если бы дело шло о такой постройке при помощи иностранного займа, то китайское правительство должно бы было обратиться предварительно в этих видах к русскому правительству.

Этот образ действий предотвратил бы всякого рода протесты, которые могли бы быть предъявлены впоследствии.

Просьба, чтобы названное министерство благоволило ответить миссии, разделяет ли оно точку зрения китайского правительства. В случае его согласия, можно было бы считать этот вопрос решенным.

№ 711. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

./. Телеграмма № 4487¹.

30/17 декабря 1914 г.

Срочная. Личная.

Прошу расшифровать лично. Ссылаюсь на мою телеграмму № 1².

Ввиду неминуемой опасности, которая будет угрожать нашим азербайджанским консульствам в случае эвакуации, им предписывается отойти в Россию вместе с другими русскими учреждениями и подданными, а равно англичанами и французами, если они пожелают. Уведомлять вперед персидское правительство и Тоунлея обо всем этом нет надобности, а впоследствии отход наших войск может быть объяснен стратегическим маневром кавказского военного начальства, очень обычным в военное время, когда зачастую приходится войскам то наступать, то отступать, чтобы потом вновь перейти в наступление. Писареву предложено теперь же перейти в Астару, куда просим заместника направить военное судно.

Н е р а т о в.

¹ Лит. копия.

² № 1 — тел. от того же числа за № 4489, в которой передавалась тел. Столицы, гласившая: «Положение критическое. Сарыкамыш отрезан. Железная дорога в руках турок. Опирируют три турецких корпуса. Население присоединяется к туркам. Приказано нашему отряду эвакуировать Ардебиль. Главнокомандующий находит необходимым эвакуировать Азербайджан...»

№ 712. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 810.

30/17 декабря 1914 г.

Nicolson me prie porter à votre connaissance que gouvernement britannique a officiellement notifié au gouvernement espagnol qu'il adhérerait au traité de novembre 1912. De cette façon Angleterre, après avoir reconnu sphère influence française au Maroc¹, reconnaît sphère influence espagnole. Nicolson me dit que gouvernement britannique a estimé opportun de renoncer à faire du règlement de la question de Tanger une condition pour cette reconnaissance, en se bornant à exprimer dans la note adressée au gouvernement espagnol l'espoir que cette question sera réglée le plus rapidement possible.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Никольсон просит меня довести до вашего сведения, что английское правительство официально уведомило испанское, что оно присоединяется к ноябрьскому договору 1912 года. Таким образом Англия после признания французской сферы влияния в Марокко признает испанскую сферу влияния. Никольсон сказал мне, что английское правительство признало своевременным отказаться от мысли — ставить условием этого признания урегулирование танжерского вопроса, ограничившись в ноте, адресованной испанскому правительству, выражением надежды, что вопрос этот будет урегулирован возможно скорее.

Б е н к е н д о р ф ф.

№ 713. Директор дипломатической канцелярии при ставке послу в Лондоне Бенкендорфу для военного агента Ермолова.Телеграмма № 241².30/17 декабря 1914 г.³.

Строго секретно.

Сообщается послу в Париже для военного агента.

Осведомившись, будто русское верховное командование предполагает в течение ближайших месяцев ограничиться оборонительными задачами, лорд Китченер обратился к нам с просьбою сообщить ему о действительном положении на нашем фронте для согласования с ним

¹ См. № 663.

² Черновой отпуск. Написан. рукой Базили. Оpubл. Кр. арх., т. XXVI, стр. 32, датирована 27/14 дек.

³ Дата проставлена рукой Кудашева.

стратегических планов союзников на западном фронте¹. Вследствие сего благоволите строго доверительно передать лорду Китченеру ниже следующее. Стратегическое положение наше не может быть признано неудовлетворительным. Дух войск остается прекрасным. Санитарное состояние хорошее. Новый контингент в 800 000 человек готов и с избытком покроет потери. Нет также недостатка в офицерах. Если мы вынуждены были перейти к обороне, то исключительно из-за недостатка в артиллерийских снарядах и в ружьях. Недостаток этот не ставит нашу армию в критическое положение, но отсрочивает наши широкие наступательные операции. Это однако не означает, чтобы мы в ближайшее время лишены были возможности наносить немцам контрудары и предпринимать частные наступательные операции. Лорд Китченер желал бы знать, на каких оборонительных линиях мы предполагаем держаться. В настоящую минуту наш фронт определяется реками Бзура, Равка и Дунаец, и мы не имеем в виду отходить от этих позиций. Что же касается вопроса лорда Китченера о возможности обратной переброски германских сил на запад, то таковая представляется вообще проблематичной, так как немцы будут продолжать и в ближайший период оставаться под угрозой наших контрударов, от которых мы не отказываемся. Если однако немцы смогут снять войска с нашего фронта, то лишь в незначительном количестве и во всяком случае не свыше того числа войск, которое они недавно подвезли против нас. Относительно потерь, нанесенных нами германским войскам, также трудно назвать какую-либо определенную цифру. Потери эти, во всяком случае, огромны. О размере их можно судить по тому, что за последние полтора месяца, несмотря на их повторное укомплектование, состав германских рот во всех известных нам случаях не превышает 100 человек, опускаясь иногда до 30 человек. Как указано, наше наступление остановилось только вследствие недостатка в снарядах и в ружьях. Как только мы получим достаточное количество тех и других, мы немедленно перейдем в наступление в самых широких размерах. Если слабое развитие нашей промышленности и позволяет нам в достаточной мере восполнять трату припасов, чтобы не оказаться в критическом положении, то трудно рассчитывать, чтобы нам скоро удалось собственными силами изготовить потребное для развития широких наступательных операций количество снарядов и ружей, так как количество военного материала, необходимое во втором случае, неизмеримо превосходит нужное в первом случае. Между тем в интересах общего

¹ Запрос Китченера был передан м-ву ин. дел англ. пос-вом в Петрограде пам. запиской от 22/9 декабря.

дела союзников поддержание нашего решительного наступления не может не иметь первостепенного значения. Находясь по сравнению с нами в лучших условиях в отношении пополнения материальной части, союзники наши могли бы оказать нам в этой области весьма существенную помощь. Им самим надлежало бы обсудить вопрос, не выгоднее ли им уделить часть своего производства нуждам нашей армии и этим обеспечить развитие ее наступления, чем примириться с остановкой последнего, сохраняя для себя все свои производительные силы. Помощь союзников наших в этом направлении могла бы выразиться и в соответствующем в нашу пользу отказе от покупок или заказов в других странах. Благоволите обратить самое серьезное внимание лорда Китченера на этот вопрос, являющийся коренным при разработке наших будущих планов действий, и указать на всю пользу, которую могло бы принести общему делу благоприятное и скорое его решение¹. Я н у ш к е в и ч.

К у д а ш е в.

Прибавление:

Для военного агента в Париже: Вышеизложенную телеграмму вам поручается строго доверительно сообщить генералу Жоффру.

№ 714. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

./-. Телеграмма № 816.

31/18 декабря 1914 г.

Gouvernement français éprouvant difficulté pour régler ses dépenses de guerre à l'étranger s'est adressé au gouvernement anglais. En vue (de quoi) l'Angleterre considère qu'il serait opportun et utile réunir à Londres représentants de Russie, France et Angleterre pour

¹ Ответной тел. от 31/18 дек. за № 811 Бенкендорф сообщал, что он лично переговорил с Китченером, который выразил ему удовлетворение по поводу благоприятных известий с русского театра воен. действий, но указал на материальную невозможность для Англии удовлетворить потребности русской армии в воен. припасах. На вопрос Бенкендорфа относительно возможности использования в этих целях иностранных рынков Китченер указал на Японию, США и в особенности на Францию и обещал свое полное содействие. Подтвердив необходимость, в целях наиболее тесного сотрудничества между союзниками в этом вопросе, командировать в Лондон компетентное лицо (см. стр. 258, прим. 1), Китченер заверил Бенкендорфа в своей готовности удовлетворять, поскольку это от него зависит, запросы росс. командования. Такой же ответ Китченер дал Ермолову (тел. Бенкендорфа от 1 янв. 1915 г./19 дек. 1914 г. за № 815), которому он между прочим заявил, что «в полной мере готов содействовать исполнению наших боевых припасов в кратчайшее время» и что «с этой целью он уже принял энергичные меры к ускорению выполнения Виккерсом нашего заказа шрапнелей».

considérer par quel moyen gouvernements alliés pourraient s'assurer moyens financiers pour guerre. Cette question n'intéresse pas directement gouvernement anglais qui a pris chez lui toutes mesures nécessaires. Routkowsky et moi pensons qu'en ces circonstances il serait important que propositions anglaises nous transmises le 17 décembre¹ soient définitivement acceptées par nous et l'arrangement signé avant réunion conférence. Je ne vois pas de garantie absolue que cette conférence et de nouvelles circonstances ne modifient pas dispositions actuelles du gouvernement anglais ce qui peut occasionner retard conclusion emprunt maintenant offert. Il ne faut pas non plus espérer que gouvernement anglais accepte modifications à sa proposition. Lui-même ne pourrait plus emprunter à 4%. Il est par conséquent à éviter d'exprimer espoir à ce sujet, comme l'exige texte télégramme du ministre des finances à Routkowsky². Ce télégramme tout en acceptant proposition anglaise en principe ne contient pas d'instructions à Routkowsky de continuer négociations et pour signature arrangement ici³. Nous sollicitons à cet égard instructions précises. Quand arrangement actuel aura été signé et emprunt ainsi garanti, la conférence des représentants n'offrira plus les inconvénients qu'elle présente actuellement. Elle peut nous être plutôt utile. Me permets signaler que secret absolu concernant phase actuelle des négociations et en particulier de ce télégramme est absolument nécessaire.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Французское правительство, испытывая затруднения в вопросе покрытия своих военных расходов за границей, обратилось к английскому правительству.

¹ См. стр. 176, прим. 1.

² Имеется в виду тел. Никифорова от 28/15 дек., излагающая содержание ответа м-ва фин. на меморандум англ. прав-ва и посвященная вопросу об условиях выпуска бонов.

³ Тел. от 5 янв. 1915 г./23 дек. 1914 г. (без номера) Рутковский доносил м-ву фин., что имеющиеся кредиты скоро будут исчерпаны, и просил дальнейших инструкций. В тел. Никифорова от 6 янв. 1915 г./24 дек. 1914 г. сообщалось, что м-во фин. дало свое согласие на все условия, предложенные англ. прав-вом, с единственной оговоркой относительно пропорции посылаемого золота, вопрос о которой должен обсуждаться в том случае, если возникнет необходимость платежей в Америке; если же все платежи будут производиться в Англии, рос. прав-во имеет право на кредит в 40 млн. ф. ст. без посылки золота. Эти условия, по сообщению Никифорова, были одобрены комитетом финансов, и Рутковскому было поручено их поддерживать. В той же тел. сообщалось, что «на будущей неделе в Лондон будут доставлены необходимые полномочия на подписание Бенкендорфом контракта».

Ввиду этого Англия находит своевременным и полезным созвать в Лондоне представителей России, Франции и Англии, чтобы обсудить, каким способом союзные правительства могли бы обеспечить для себя финансовые средства для ведения войны. Этот вопрос непосредственно английское правительство не интересует, так как оно приняло у себя все нужные меры. Мы с Рутковским думаем, что ввиду этих обстоятельств имело бы значение, чтобы английские условия, переданные нам 17 декабря, были окончательно нами приняты, и соглашение подписано до начала конференции. Я не вижу абсолютных гарантий против того, чтобы эта конференция и вновь возникшие обстоятельства не изменили нынешних намерений английского правительства, что может вызвать задержку в заключении предложенного нам теперь займа. Не следует тем более надеяться на то, чтобы английское правительство согласилось внести изменения в свое предложение. Само оно не могло бы больше получить заем из 4%. Поэтому нужно избегать выражения надежд по этому поводу, чего требует телеграмма министра финансов Рутковскому. Эта телеграмма, хотя и принимает в принципе английское предложение, не содержит указаний Рутковскому продолжать переговоры и подписать здесь соглашение. Мы просим в этом отношении снабдить нас точными указаниями. После того как указанное соглашение будет подписано, и заем таким образом гарантирован, созыв конференции представителей не будет связан с теми неудобствами, какие представляются теперь. Она может быть нам скорее полезна. Позволяю себе обратить ваше внимание, что переговоры в их настоящем фазисе и, в частности, эту телеграмму необходимо держать в строжайшей тайне.

Бенкендорф.

№ 715. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 718.

31/18 декабря 1914 г.

Копия директору дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем.

Передал содержание телеграммы № 241 ¹ генералу Жоффру, который был крайне ею встревожен. Это объясняется отчасти и тем, что сведения о недостатке в снарядах и ружьях явились для него неожиданными. Озабочиваясь этим вопросом в нашей армии с самого начала кампании, генералиссимус получил около трех месяцев тому назад уверение от своего правительства, что, по сведениям французского посла в Петрограде, боевые припасы имеются у нас в количестве, потребном для ведения войны в каких угодно размерах ². Генерал Жоффр выразил сожаление, что, не будучи осведомлен ни разу подробно о нуждах нашей армии, он не мог принять своевременно мер для их удовлетворения. В отношении артиллерийских снарядов французская промышленность, сосредоточивая это производство у себя в стране, еще долгое время не

¹ См. № 713.

² См. № 327.

будет в состоянии принять наши заказы. Генерал Жоффр решил послать к нам двух офицеров французской артиллерии, основательно ознакомленных с тем ускоренным и упрощенным способом производства ударных снарядов, который принят во Франции с начала кампании. Он надеется, что они могут принести нам большую пользу в деле оборудования наших частных металлургических заводов и мастерских для выделки снарядов. Продолжение следует ¹. И г н а т ь е в. № 250.

И з в о л ь с к и й.

№ 716. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 718.

31/18 декабря 1914 г.

Копия директору дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем.

Продолжение ². Не будучи совершенно посвящен до сего времени в дела наших заказов, я только вчера случайно получил предложение о выделке снарядов из Северной Америки. Генерал Жоффр, кому я вскользь об этом упомянул, особенно одобрил мою мысль об отдаче заказов в Северную Америку. Конечно, мне необходимо иметь какие-либо инструкции по этому вопросу. Что касается ружей, то главнокомандующий, от которого зависит здесь все распределение работ на заводах, сказал мне, что хотя оружейные заводы [запаяты] в настоящее время выделкой снарядов, тем не менее он готов уделить для нас часть заводов, но просит меня представить ему немедленно список того, что нам нужно по оружейной части. Равным образом он обеспокоен вопросом о наших запасах и производстве ружейных патронов. Объяснив, со своей стороны, насколько естественны для нас все эти затруднения, ввиду малого развития нашей частной промышленности, я позволил себе вместе с тем выразить генералу Жоффру уверенность в том, что боевая способность наша остается все же на должной высоте. Главнокомандующий, со своей стороны, выразил надежду, что если мы и лишены возможности возобновить наступление в Польше, то всетаки сможем продолжать преследование австрийцев в Галиции, где характер местности, быть может, менее способствует развитию действий артиллерии. В отношении вопроса обратной переброски германцами своих сил на западный фронт, главнокомандующий, как я уже доносил, относится

¹ См. № 716. Тел. от того же числа за № 720 Извольский сообщал, что Делькассе подтвердил ему, что франц. заводы не в состоянии принять русские заказы на снаряды, и предложил послать в Россию, кроме офицеров, также несколько представителей франц. заводов «для содействия расширению нашего производства».

² См. № 715.

к этому крайне недоверчиво и даже удивляется, что англичане, столь мало сравнительно в этом заинтересованные, выражают нам подобные опасения. № 250. И г н а т ь е в.

И з в о л ь с к и й.

**№ 717. Генеральный консул в Калькутте
товарищу министра иностранных дел Нератову.**

./-. Дешеша № 11.

Дели, 31/18 декабря 1914 г.

М. г. Анатолий Анатолиевич,

По получении секретной телеграммы д. с. с. фон Клемма от [6 ноября] 24 октября ¹, в коей высказана была желательность осведомления меня индийским правительством о событиях в Афганистане, я немедленно выехал из Калькутты в столицу Индии. В разговоре с управляющим иностранным департаментом (сэр Генри Мак-Магон был в отпуску и на днях назначен верховным комиссаром в Египет), я объяснил ему, что ожидаемые императорским министерством от индийского правительства сведения могут быть передаваемы мне непосредственно лишь при условии моего пребывания в Дели; я выразил надежду, что правительство, ввиду исключительных обстоятельств настоящей минуты, отрешится на время от принципа, в силу которого консулы не могут иметь пребывания в Дели.

В тот же день управляющий иностранным департаментом доложил о нашем разговоре вице-королю. Лорд Гардинг ответил, что признает целесообразным держать меня в курсе сведений о том, что делается в Афганистане, и не встречает препятствий к тому, чтобы я оставался в Дели. Вместе с тем он просил меня донести императорскому министерству, что такое отступление от принятой по отношению к иностранным консулам в Индии системы не должно служить прецедентом, и что сношения мои по политическим делам с индийским правительством не носят «официального» характера, а являются лишь выражением и проявлением его убеждения, что в настоящее время передача императорскому министерству сведений через меня лично — наивернейший способ достигнуть согласованных с интересами нашей обоюдной политики результатов. Такая «осторожность» со стороны правительства объясняется отчасти опасением, что вслед за мной и другие консулы союзных и дружественных держав займутся в Дели, — этого здесь не хотят, —

¹ Тел. от 6 нояб./24 окт. за № 3660 Клемм на основании частных сведений сообщал о существующих в Турции надеждах вовлечь в войну Афганистан, куда, по слухам, из К-поля посланы эмиссары. «Весьма желательно, — писал Клемм, — чтобы индийское правительство, конечно, зорко следящее за хапством, во-время предупредило вас, если б оно заметило какие-либо тревожные симптомы».

а, с другой стороны, нежеланием трений с Лондоном по поводу нарушения принципа невмешательства консулов в международную политику. Вице-король одновременно просил меня передать императорскому министерству свои взгляды на положение дел в Афганистане и на те задачи, которые нам, по его мнению, желательно преследовать. Я имел честь вкратце доложить эти взгляды вашему превосходительству секретными телеграммами от [11 ноября] 29 октября¹ и [21] 8² и [11 декабря] 28 ноября³.

Долгом считаю добавить, что в последовавшем через два-три дня после моего приезда в Дели разговоре со мной, носившем весьма дружественный характер, вице-король еще раз подчеркнул, что сделанное им исключение из общего правила мотивируется как исключительными обстоятельствами теперешнего времени, так и его личным желанием облегчить мою работу.

Со времени моего приезда в Дели прошло более полутора месяцев, и не случилось до сих пор ничего такого, что могло бы подать повод к признанию точки зрения здешнего правительства слишком оптимистической. В ответ на посланное ему, после объявления Турцией войны, вице-королем письмо эмир ответил выражением дружбы к Англии и твердого намерения не выступать активно против нее. Он высказал также свое «сожаление» по поводу образа действий Турции. Сведения о

¹ Тел. от 11 нояб./29 окт. (без номера) Набоков извещал, что по докладе тел. Клемма от 6 нояб./24 окт. (см. стр. 302, прим. 1) вице-король изъявил согласие на осведомление Набокова и на временное его пребывание в Дели, «не придавая этому официального характера и значения прецедента». Далее Набоков писал, что «эмиру на-днях сделано в дружественной форме предостережение против враждебных нам действий», и что «вице-король полагает, что турецкая агитация останется бесплодной».

² Тел. от 21/8 нояб. (без номера) Набоков сообщал, что его «спросят снова передать дружеский совет вице-короля указать [туркестанскому] ген.-губ. на желательность избегать столкновений на границе и, в случае их возникновения, немедленно снестись с здешним правительством для улажения их обычным путем представлений эмиру». «Имею определенное убеждение,—продолжал Набоков,—что мы не можем рассчитывать на энергичное воздействие вооруженной силы на Афганистан... Численность армии и ряд других причин заставляют, в случае враждебных действий Афганистана, вести оборонительную войну. Об экспедиции туда в настоящую минуту не может быть речи».

³ Тел. от 11 дек./28 нояб. (без номера) Набоков передавал, что «индийское правительство не считает опасными военные приготовления Афганистана, так как не имеет повода сомневаться, что таковые являются только мерами предосторожности, принятыми, быть может, без санкции Кабула под влиянием частичного успеха турецкой пропаганды... Эмир, несомненно, осведомлен о наших победах и, по мнению здешнего правительства, вряд ли рискнет подвергнуть Афганистан участи, ожидающей Турцию».

военных приготовлениях в Афганистане доходят сюда скорее в виде слухов, нежели определенных и точных данных. Единственным агентом Англии в Кабуле является туземец, и на его донесения здешнему правительству приходится полагаться. Нельзя при этом упускать из виду, что Афганистан лишь по имени — политическое целое и что Кабул не всегда может направлять и контролировать то, что происходит на окраинах. Это ясно сказалось в происходивших года два тому назад беспорядках, о которых я имел честь доносить вашему превосходительству.

Трудно, разумеется, предвидеть, возобладает ли благоразумие эмира над фанатизмом его подданных в ближайшем будущем. До сих пор однако нет никаких признаков того, чтобы нелепые попытки немецко-турецких провокаторов в Афганистане были сколько-нибудь успешны. Около месяца тому назад на границе произошло среди махсудов волнение, грозившее принять серьезные размеры. Ведомая муллою вооруженная толпа махсудов напала на английский пост на границе, поверив проповеди, что молитвами этого мุลлы вражеские пули будут обезврежены. Гарнизон небольшого пограничного форта оказался однако наготове, и после первого залпа, положившего двадцать человек, «святенные воины» в панике разбежались. Тем дело и кончилось.

В военных сферах мне с полной откровенностью заявляли здесь в частных беседах, что наступательная война с Афганистаном в настоящую минуту невозможна. Это впрочем, само собой понятно, если принять во внимание количество войска, которыми располагает индийское правительство. Все меры по отправке войск в Европу, Африку и Месопотамию хранятся здесь в строгой тайне, и газеты о них молчат. Мне однако известно, что в Индии сейчас осталась только очень незначительная часть гарнизона. Из Бомбея и Карачи отправлено в общей сложности не менее 175 000 войск, как английских, так и туземных. Прибывающие на смену им из Англии «территориальные» части, в количестве сейчас не более 60 000, представляют собой пока лишь «сырой материал». Их предполагается обучить в Индии и затем, весной, — в зависимости от оборота, принятого событиями, — или оставить здесь до окончания войны, или отправить в Европу. Последнее более вероятно, так как войскам этим крайне тяжело было бы вынести знойное лето в лагерных стоянках индийских равнин. Само собой разумеется, что для военных действий на северозападной границе эти плохо обученные войска не годятся.

Все усилия индийского правительства поэтому направлены в настоящее время к тому, чтобы избежать осложнений на границе Афганистана. Здесь, — насколько я могу судить из разговоров с членами правительства, — понимают, насколько важно внушить эмиру, что Россия

и Англия действуют в полном единении, что он находится поэтому «между молотом и наковальней», и что самое благоразумное для него поведение — сидеть смирно и не пытаться подражать безумству турок. Для дальнейшего проведения этой нашей политики, мне кажется, желательно было бы через здешнее правительство поставить на вид эмиру, что Россия не имеет намерения нарушать существующие мирные отношения с Афганистаном, но что в случае агрессивных с его стороны попыток обе державы дадут им согласованный отпор. Вице-король, думается мне, имел это именно в виду, когда просил меня передать императорскому министерству, что желательно было бы не преувеличивать значения могущих возникнуть на нашей границе мелких столкновений. Если бы представился случай прибегнуть к посредству здешнего правительства для передачи эмиру наших заявлений по поводу какого-нибудь инцидента, этим можно было бы воспользоваться, чтобы указать ему на полную нашу солидарность с Англией.

Как я имел честь доносить вашему превосходительству¹, отправка войск из Индии вначале производилась несколько хаотически и с большими заминками. С тех пор однако дело наладилось, и в настоящее время в Европе уже находятся войска в количестве, могущем оказать сильную поддержку союзным армиям. Вашему превосходительству, несомненно, известно из сообщений европейских газет, что туземные войска, до сих пор принимавшие участие в боях, вели себя с доблестью, превзошедшей ожидания. Подъему духа в их среде, несомненно, значительно содействовала отмена унижительного правила, в силу которого туземцы лишены были права получать высшее военное отличие — Victoria Cross. Уже несколько туземцев-солдат награждены этим орденом, несколько полков заслужили благодарность главнокомандующего; нет сомнения, что этим объясняется опять-таки превзошедший самые оптимистические ожидания наплыв добровольцев в туземную армию.

Вместе с тем внутри страны царит полное спокойствие, и правительство имеет основание без страха смотреть на ближайшее будущее.

Главная задача впереди. Самый факт участия туземных войск в европейской войне наряду с английскими должен будет отозваться на внутреннем строе армии после возвращения этих войск в Индию. Мои личные наблюдения над здешней армией и близкое знакомство с «интимной», если можно так выразиться, жизнью туземных полков дает мне возможность высказать предположение, что английское офицерство сумеет приноровиться к новому строю взаимных отношений, имеющему возникнуть как последствие настоящей войны. От таланта и творчества

¹ Донесением от 16/3 окт. за № 18.

руководителей армии будет зависеть выработка руководящих начал этого нового строя.

В телеграмме от [5 ноября] 23 октября¹ я имел смелость высказать мнение, что война «не вызовет здесь осложнений». Я подразумевал те «осложнения», ради которых немцы втянули Турцию в войну, — осложнения со стороны мусульман. Совместно с Англией и Францией объявление наше о неприкосновенности священных мест ислама сыграло огромную, неоценимую роль. Неожиданно для немцев также оказалось, что среди интеллигентных мусульман здравый смысл и понимание истинных интересов ислама сильнее, нежели слепой фанатизм. Подогреть его подкупом и пропагандой не удалось. Слабые попытки во враждебном нам духе сделаны были некоторыми газетами, и, между прочим, издаваемой в Калькутте и на английском языке персидской газетой «Хабл-уль-Матин», но кампания в туземной прессе в общем никакого успеха не имела.

Здесь однако считают, что затруднения с мусульманами еще впереди. Теперь тон всех «собраний» и газет такой: «Да, Турция, сделала ошибку, дав себя втянуть в войну против Англии. Но Англия — друг ислама, и мы твердо уповаем, что она сумеет, по давней традиции, оградить интересы Турции, сохранить ее неприкосновенность и т. д.» Говорят против очевидности — и сами себе не верят, но готовят почву для перемены настроения и тона, когда окажется, что дружба Англии к исламу не проявится в тех же формах, какие она приняла в 1878 году. Позволяю себе повторить то, что имел честь уже не раз доносить вашему превосходительству: политика лорда Гардинга по отношению к мусульманам до сих пор исполнена была истинного государственного чутья и смысла; есть поэтому полное основание думать, что теперешнее индийское правительство, вполне ясно сознающее предстоящие ему в этом направлении задачи, сумеет разрешить их. С этой точки зрения в интересах Англии желательно, чтобы вице-король продлил свое пребывание на посту после ноября 1915 года. Ввиду постигшего его на этих днях нового тяжелого удара — смерти старшего сына — трудно сказать, хватит ли у него физических и духовных сил для дальнейшего несения этого ответственного и сопряженного с трудной работой поста, особенно если принять во внимание, что настоящий момент требует от руководителя индийского правительства неусыпного и напряженного внимания к ходу событий.

Примите и пр.

Набоков.

¹ Тел. от 5 ноября / 23 окт. (без номера) Набоков доносил, что рядом индийских мусульманских организаций приняты резолюции, осуждающие образ действий Турции и выражающие преданность Англии. Набоков высказывал уверенность, что война с Турцией не вызовет осложнений в Индии.